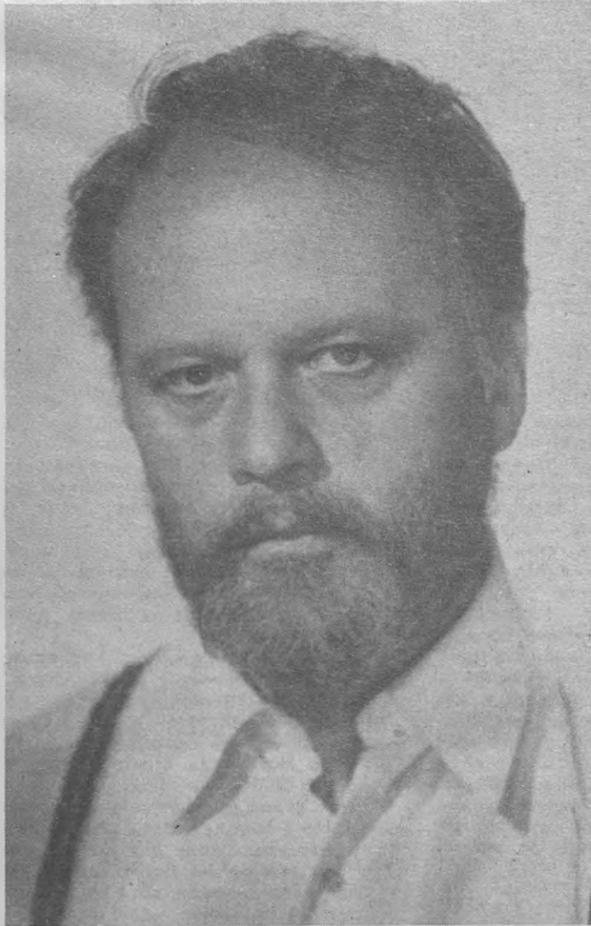

22-29.10.92.

Засухин Н.Н.

создания, в них никогда не оставалось места сугубо театризированной игре как таковой, хотя всевозможные разновидности ее существовали, конечно же, в разные времена. Честное следование реалистическим жизненным законам было для него единственно возможной формой театра.

Его герои (среди которых, разумеется, не одни только горьковские типы, но и целый ряд сценических персонажей тех лет, от парня из «Поддубенских частушек», Шванди и Фигаро до молодого Володи Ульянова) были ясны и крепки; их объединяла засухинская бодрая, добродушная сила — казалось, неуязвимая и несокрушимая.

Особенно выигрывал он тогда, когда в дело вступали вечные темы, когда решались вопросы крайние и роковые. Это понимали все вокруг, понимал главный режиссер самарской драмы Петр Монастырский, и — благодаренье судьбе! — недостатка в масштабных ролях не было. Федор Протасов, князь Мышкин, Отелло, Борис Годунов, Миндаугас — вот роли, становившиеся в уровень с засухинским талантом и возможностями.

Но именно шекспировский Ричард III выявил истинные масштаб и мощь, которыми он обладал.

Энергия доброты и великодушия, привычно излучавшаяся всеми засухинскими персонажами, фантастическим образом переплавилась тут в свою противоположность, явив всем фигуру дьявольской мрачной силы. То был титан злобы и разрушения, сжигаемый ненасытным властолюбием и адским тщеславием — преподнесенный Засухиным в искуснейших тонах. Мрачная цветовая гамма гипнотизировала, завораживала, восхищала — фиксируя в зрительской памяти роскошный по своей щедрости портрет короля-злодея, предсмертным жестом тянущегося к короне скрюченными пальцами высохшей руки.

Стоит ли вновь взволнованно рассказывать о том, как засухинский Ричард целое десятилетие, начиная с 1962 года, покорила зрительские сердца и как феноменальная его слава гремела по всей стране? Ричард вошел в историю советского театра, о нем пишет театральная энциклопедия. Это был триумф. Засухина звали в Москву.

Так началась другая половина его актерской жизни — двадцатилетие, последовавшее за мхатовским приглашением 1972 года. В тот момент искали нового исполнителя роли Ленина в «Кремлевских курантах». Достойным во всей России сочли лишь «самарского Ричарда». Так Засухин оказался в Москве.

Что было дальше? Конечно, игрался Ленин — то есть доигрывался этот старый спектакль 1942 года, уже ни для кого не представлявший интереса. Именно Засухин играл Ленина и в спектакле «Шестое июля». Другой мхатовской работы почти не было. Все же, что время от времени предлагалось Засухину, было несравнимо с уровнем тех ролей, которые сделали его большим актером. За двадцать лет во МХАТе он не сыграл ни Шекспира, ни Достоевского, ни Толстого. Его московские годы проходили почти незаметно. О былом засухинском блеске начинали забывать.

Но было же кино? Было. Порядочный список киноролей. Однако необъяснимым казалось то, что кинорежиссеры, будто по какому-то странному сговору, хотели видеть в нем лишь военного или политического чиновника. Может быть, они не знали ничего о «самарском Ричарде»? Или их сбивал с толку обманчивый внешний покой его мягкого простого лица? Во всяком случае, кинокамере нравилось в этом лице лишь выражение деловитой непроницаемости да сдержанное мужество «государственного человека».

И все это были роли, редко благообразные и пристойные. Ему же требовались обстоятельства мятежного размаха, сила, масштаб и ярость, огонь, гнев и злость. Увы — не то, чем ограничивали его в кино и на сцене. Ему как воздух необходимы были эпическая широта раздумий, героический и философский пафос. Он тосковал по игре, в которой доходят до края. Все это в нем было, все это он знал — и все это оставалось невостребованным и теперь уже ненужным.

Это был актер крупного дыхания, постепенно истощавший выпавший ему дар в заурядных ролях, что не исчерпали и даже не запечатлели всех его возможностей.

Кто виноват, кого тут винить? Можно лишь свидетельствовать трагедию большого артиста. Трагедия из тех, что порой незаметны со стороны: ведь вроде бы роли были, работа, казалось бы, имела; бывает и похуже. Что ж, случай, типичный для нашего времени. Театр не захотел взять у артиста то, что он, во славу самого театра, мог бы ему отдать. Кто виноват?

Ушел еще один крупный актер русской сцены.

Ольга ИГНАТЮК.

ОН ТОСКОВАЛ ПО СЦЕНЕ

Тем, кто помнит, и тем, кто участвовал сам в театральной жизни Самары 50—60-х годов, не надо объяснять, что значило для Куйбышева тех лет имя Николая Засухина. Всеобщий любимец, «властитель дум», воспитавший целое поколение пылких и преданных театру самарских зрителей. Я сама из их числа, восторженная школьница конца 60-х, уже плененная засухинским Ричардом и Миндаугасом. Его имя было хорошо известно шекспироведам и театроведам.

О Николае Николаевиче Засухине, «самарском Ричарде», написано изрядное количество театральных статей. Мне же, знавшей его больше двадцати лет, всегда казалось, что свое собственное слово об этом прекрасном актере сказать я еще успею. Не успела. Он ушел из жизни слишком неожиданно для всех, пополнив горький список потерь этого тяжелого високосного года.

Как ни странно, находить сегодняшние характеристики его амплуа оказалось не так просто. Говорить о Засухине в 50-е и 60-е годы было несомненно легче. Этот крепкий, белокурый волжанин с добродушнейшими чертами круглого русского лица был, казалось, истинной фигурой тех лет, выразительным героем времени, в котором завязывалась и прокладывалась его актерская стезя. Он был идеальный персонаж Горького или Шолохова — и действительно, с успехом играл все центральные роли в горьковских пьесах уже с конца 40-х годов. «Варвары», «Дети солнца», «Дело Артамоновых», «Мать», «Фома Гордеев».

Да и кому, как не Засухину, было лидировать в этих постановках — герою, вылепленному по образу и подобию самой земной реальности, сыну российской глубинки и волжских берегов, с его естественной тягой к жизнеутверждающей наступательности, с его природной крупностью поступи и характера?

Он и был тем самым, про кого принято говорить «земной», и мог являться прекрасным примером «корневой русской стихии» в чистом виде. Такими же земными были его сценические

Подписка-93

Остались считанные дни для тех, кто еще не успел или не решился оформить подписку на «Экран и сцену». Мы надеемся, что наши старые друзья останутся с нами. И будем рады, если обретем новых.

По нынешним временам и в сравнении с другими изданиями подписная цена на наш еженедельник более чем умеренная.

Напоминаем: наш индекс — 50182.

Цена подписки: на месяц — 16 рублей; на три месяца — 48 рублей; на полгода — 96 рублей.

Почтовый тариф вам сообщат в местных почтовых отделениях.